

АЛЕКСАНДР ГЕР:

"Кто-то любит играть в гольф, а я люблю сочинять музыку"

Рос. муз. газета. — 1998. — № 45. — с. 9

Бенджамин Бриттен однажды сказал, что его пугает одна только мысль, что он может стать одним из тех художников, кто любит говорить. Музыка, утверждал он, должна говорить сама за себя. Не все, однако, разделяют его точку зрения. Так, известный английский композитор Александр Гер, отпраздновавший в прошлом году свое 65-летие, опубликовал сборник эссе и лекций "В поисках разгадки", в котором попытался объяснить, как рождается музыка, как она обретает форму и попадает (или не попадает) в русло современного искусства.

Сборник открывает "Письмо Пьеру Булезу". Гер рассказывает, как он отошел от авангарда 50-х годов. В свое время он принадлежал к дармштадтской школе, общался с молодыми Булезом и Штокхаузеном, исполнял в Дармштадте. Потом наступил момент, когда надо было выбирать между всматриванием в себя и взглядыванием в мир, вниманием к таким вещам, которые люди хотели услышать запечатленными в музыке.

"С одной стороны, я сознавал свое стремление к абстракции, формальному новаторству и систематизации, с другой — желание выражать человеческие чувства в реалистическом манере, существовавшей от Монтеверди до Яначека", — пишет Гер.

Первым свидетельством его отхода от авангарда стала написанная в начале 60-х Маленькая симфония. Булез почти сразу "оценил ее по достоинству", когда его попросили включить это сочинение в программу одного из его знаменитых концертов в парижском театре Мариньи. "Мне сказали, что он нехотя признался, что не может дирижировать "музыкой такого рода", — пишет Гер. В течение следующих пяти лет его отношение к авангарду претерпело значительную эволюцию "от явного энтузиазма к определенной сдержанности".

Так для кого же он пишет? "Очень легко впасть в самодовольство и заявить, что я пишу для обычных людей. Я действительно против элитарного искусства. Но для меня принципиальное значение имеют исполнители. Я не общаюсь непосредственно с публикой, я только пишу партитуры. Именно исполнители общаются с людьми, посещающими концерты, покупающими записи и вообще интересующимися музыкой. Я чувствую, что если мне удастся завоевать уважение исполнителя, тогда полдела уже сделано... Вообще для меня идеал публики — это синие воротнички, квалифицированные рабочие. Я представляю себе, как они приходят с работы и отдаются серьезным занятиям музыкой и литературой или создавая что-то свое, или потребляя созданное другими".

Его левые политические убеждения сформировались еще в дет-

стве. Большое влияние на него оказал Майкл Типпетт, часто бывавший в доме Геров в середине 40-х. Отец Гера, Вальтер, был известным дирижером, учеником Шенберга. Александр начал сочинять в 6 лет — "индейские марши, что еще пишут шестилетние композиторы!", но в 11 бросил это занятие. Он не обладал выдающимися способностями как инструменталист, что создавало определенные проблемы в его отношениях с родителями-музыкантами. "Отец с презрением относился к профессии композитора", — поясняет Гер.

В 15 лет он втайне возобновил занятия композицией, подражая Типпетту. "Он оказывал на меня огромное влияние, уравновешивая воздействие отца, который, будучи берлинцем, считал, что выбор профессии обусловлен вашими успехами в ней. Типпетт же полагал, что вы выбираете профессию потому, что хотите ею заниматься".

Гер отказался изучать классическую литературу в Оксфорде и поступил в Королевский музыкальный колледж в Манчестере на отделение композиции. Вместе с ним учились Гаррисон Биртуэлл и Питер Максвелл Дэвис. Вместе они составляли ведущее трио "манчестерской школы" послевоенных британских композиторов.

После Манчестера Гер поступил в класс композиции О. Мессияна в Париже. Рассказ об этих уроках, происходивших трижды в неделю, представляет одну из лучших глав книги Гера. Он не мог всерьез относиться к увлечению Мессияна имитацией пения птиц и не способен был угнаться за французскими студентами с их замечательными слуховыми способностями, развитыми благодаря занятиям сольфеджио с первых школьных лет.

Мессиян любил останавливаться в разгар анализа какого-нибудь опуса Шенберга или Штокхаузена и предложить тому или иному студенту определить состав аккорда. Для Гера спасение пришло с осознанием того, что Мессиян легко предсказуем в своих пристрастиях. "Момент истины наступил, когда я фактически мог правильно назвать аккорд еще до того, как он его сыграл. Он очень удивлялся".

Полученные знания пригодились Геру в его педагогической работе, которой он уделяет много времени. В 1966 он начал преподавать музыкально-теоретические предметы в колледже Морли в Лондоне, в 71-м стал профессором музыки Лидского университета, с 75-го — профессором в Кембридже. В начале 70-х годов Гер возглавил проводимый раз в три года Лидский фестиваль и столкнулся с определенными трудностями в общении со знаменитым фестивальным любительским хором. Дело в том, что де-

сятью годами ранее он написал для этого хора (по заказу) кантату "Золото Зуттера" по киносценарию С. Эйзенштейна, оказавшуюся, однако, слишком сложной для любителей. Дирижер Джон Притчард понял это не сразу и воспоследовал громкий провал, в результате чего газета "Таймс" даже поставила под сомнение будущее английской хоровой традиции... "Мне было очень стыдно, так как все эти люди просто ненавидели меня", — вспоминает Гер. В то время он не понимал, как писать для них, но, возглавив фестиваль, "исправился", и хор сумел удачно исполнить его кантату.

Возможно, этот эпизод повлиял на его сдержанное отношение к системе заказов и композиторам, расписывающим свое творчество на годы вперед. "Не понимаю, как они могут знать, что захотят написать через 10 лет", — говорит он. Гер предпочитает спокойно обдумывать свои большие проекты. Например, "Ариадну", воссозданную им утерянную оперу Монтеверди, которая с большим успехом была показана в Ковент Гардене в 1995 г. "Мне нравится такое положение вещей, при котором я гуляю по Кембриджу и думаю: "Господи, как здорово было бы написать эту оперу!". А потом звоню агенту, а он — в Ковент Гарден: "У Гера есть для вас замечательная идея".

Думал ли он когда-нибудь о том, чтобы написать популярный мюзикл и заработать кучу денег? "Я с удовольствием сочинил бы большой мюзикл, если бы мне кто-нибудь предложил, — отвечает Гер. — Я сделал бы это в манере Курта Вайля. Если поднапрячься, я смогу бы сделать это очень хорошо. Но в области коммерческой музыки надо иметь заказ, а мне никогда ничего такого не заказывали".

В 67 лет Гер, согласно уставу Кембриджа, оставит свою профессорскую должность, но для него мало что изменится. По-прежнему три часа в день он собирается уделять сочинению музыки. Он не любит слушать написанное им прежде, так как это мешает работе над новыми произведениями. Но обязательно посещает концерты, где исполняются его вещи. Если музыканты оказывают ему такую честь, минимум, что он может сделать, это лично прибыть в зал.

Сейчас он работает над оперой, основанной на двух пьесах японского театра Но. Впервые опера будет исполнена в Германии в 1999 году. Но... зачем ему все это?

"Кто-то любит играть в гольф, а я люблю сочинять музыку".

По материалам зарубежной прессы подготовил
В. НЕСТЬЕВ.